



www.volsu.ru

# ИМПЕРСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ XVIII–XIX ВЕКОВ

---

---

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.1>

UDC 94(44)“18”:378

LBC 63.3(4Фра)521.2-7

Submitted: 09.02.2020

Accepted: 03.04.2020

## ESTABLISHMENT OF THE UNIVERSITY SYSTEM IN FRANCE DURING THE REIGN OF NAPOLEON I: GOALS AND RESULTS

**Elena P. Piskunova**

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

**Abstract.** *Introduction.* In the Napoleonic era, political power set itself two tasks: to continue the traditions of the revolution in the formation of a new system of people and to make these changes correlate with the requirements of the new political system associated with the formation of the Empire. Historians have not paid enough attention to Napoleon's educational policy and the relation of these events to his political goals. *Analysis.* The Great French Bourgeois Revolution completely destroyed the old educational system. All universities and academies were closed. Secondary and primary schools sought to eliminate the influence of the Church. The revolutionary government proclaimed an equal right for all citizens to receive education, and the goal of education was to form a new personality in the spirit of the Republican morality. The main problems were the lack of a unified structure and the lack of teaching staff. Only during the reign of Napoleon a coherent and effective system of education was created, which included the interrelated stages of primary, secondary and higher education, the top of which was the University. All educational institutions in France were subject to it. The goal of the University was not only to train teachers, but also to establish a new imperial ideology based on the idea of national unity. Though the creation of the educational system was certainly successful for Napoleon, his main function, according to the Emperor, was ideological education, and he could not implement it. *Results.* The Imperial University remained ideologically independent from the political system of the Empire, since a significant part of the teaching staff held liberal views and was in hidden opposition to the Napoleonic regime. However, the structure of education created in this era lasted until the end of the 19<sup>th</sup> century, which indicates its success in terms of organizational principles and practical implementation.

**Key words:** Imperial University, French Revolution, First Empire, Napoleon, educational system, state ideology, liberal opposition.

**Citation.** Piskunova E.P. Establishment of the University System in France During the Reign of Napoleon I: Goals and Results. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 2, pp. 8-26. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.1>

УДК 94(44)“18”:378

ББК 63.3(4Фра)521.2-7

Дата поступления статьи: 09.02.2020

Дата принятия статьи: 03.04.2020

## СОЗДАНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ВО ФРАНЦИИ В ПРАВЛЕНИЕ НАПОЛЕОНА I: ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

**Елена Павловна Пискунова**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

**Аннотация.** Французская революция полностью разрушила старую систему образования. Были закрыты все университеты и академии. Средние и начальные школы стремились вывести из-под влияния церкви. Революционная власть провозгласила равное право для всех граждан на получение образования, а целью воспитания стало формирование новой личности в духе республиканской морали. Главными проблемами были отсутствие единой структуры и нехватка преподавательских кадров. Только в период правления Наполеона I была создана стройная и эффективная система образования, включавшая взаимосвязанные ступени начального, среднего и высшего образования, вершиной которой стал Университет. Ему подчинялись все образовательные учреждения Франции. Целью Университета была не только подготовка педагогических кадров, но и утверждение новой имперской идеологии, основанной на идеи национального единства. Если создание системы образования Наполеону, безусловно, удалось, то свою основную, по мнению императора, функцию – функцию идеологического воспитания – он не смог реализовать. Императорский университет идейно оставался вне связи с политической системой империи, поскольку значительная часть преподавательского состава придерживалась либеральных взглядов и находилась в скрытой оппозиции наполеоновскому режиму.

**Ключевые слова:** Императорский университет, французская революция, Первая империя, Наполеон, система образования, государственная идеология, либеральная оппозиция.

**Цитирование.** Пискунова Е. П. Создание университетской системы во Франции в правление Наполеона I: цели и результаты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 2 – С. 8–26. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.1>

**Введение.** Взаимодействие власти и образования носит сложный и многосторонний характер. Режим, стремящийся держать общество под своим контролем, неизбежно будет стремиться контролировать и систему образования. Ведь именно она формирует мировоззрение людей и позволяет направлять общественные настроения в нужное для власти русло. В эпоху радикальных и глубоких перемен образование становится той почвой, на которой идет становление нового общества.

Все эти черты наглядно проявились в наполеоновскую эпоху, когда политическая власть ставила перед собой две задачи: с одной стороны, продолжить традиции революции и формировать человека нового строя, а с другой – сделать эти перемены соотносимыми с требованиями новой политической системы, связанной со становлением империи.

Политические преобразования эпохи консульства и империи коснулись разных сфер: экономики, финансов, политической системы, армии. Но не меньше внимания Наполеон уделял культуре, науке и образованию. Им придавалось решающее значение в формировании новой идеологии, направленной на принятии новой системы, монархической по своей форме, но продолжающей и закрепляющей революционную традицию по своей сути. Вся сложность этой задачи и ее реализации с особой наглядностью проявилась в области образования.

Отечественные историки практически не уделяли вопросу взаимосвязи образования и политики достаточного внимания, хотя французская образовательная модель получала детальное освещение в дореволюционных специализированных изданиях [19]. Во французских исследованиях, посвященных истории образования, наполеоновской эпохе отводится роль того фундамента, который сформировал современную французскую образовательную систему, пережившую и воспринявшую изменения второй половины XIX в. и конца 60-х гг. XX в. и продемонстрировавшую способность к адаптации и развитию [28; 29; 33].

Российских ученых в большей степени привлекала и привлекает история французской науки [3; 4; 11]. Из современных трудов следует выделить монографию И.С. Дмитриева [10], в которой автор показывает судьбы французских ученых в период революции, а также анализирует изменения в структуре и функционировании Парижской Академии наук. Однако наполеоновской эпохе посвящен лишь небольшой заключительный раздел.

В отечественном наполеоноведении слабоизученным остается вопрос о роли образования и науки в формировании политического режима Наполеона. На первое место выходят проблемы, связанные с его деятельностью в области экономики, реорганизации системы управления, отношения с печатью, политика в отношении роялистов и якобинцев,

представлявших угрозу новому режиму [20; 25<sup>1</sup>]. Между тем проблема культурной политики Наполеона и политики в области образования как ее составляющей части требует более пристального внимания.

В небольшой статье невозможно осветить все аспекты, связанные с формированием и функционированием системы образования периода Первой империи. Поэтому цель данного исследования – выявить взаимосвязь политических мероприятий Наполеона, направленных на укрепление его режима, с реформами в области образования. Необходимо понять, каким образом новая система образования служила целям Наполеона, а также определить, какие результаты она дала.

**Методы и материалы.** В настоящем исследовании применяется историко-генетический и аналитический методы, позволяющие выявить взаимосвязь политических мероприятий Наполеона и изменений в системе образования, а также проследить эволюцию этой системы от начала революции до реставрации монархии. Законодательные акты дают обширную источниковую базу, раскрывают сущность и цели политики в области образования, а также его структуру и принципы функционирования.

Воспоминания секретаря и друга детства Наполеона Луи Антуана Фовеля де Бурьенна, Стендаля (Мари-Анри Бейля), более десяти лет находившегося на наполеоновской службе, и графа Эммануэля Огюстена де Лас-Каза, последовавшего за императором на остров Святой Елены, помогают лучше понять интеллектуальные интересы Наполеона и его взгляды на задачи образования и науки. «Замогильные записки» Франсуа Рене де Шатобриана и мемуары Франсуа Гизо дают представление о личности и деятельности возглавлявшего Императорский университет графа Луи де Фонтана.

Мемуары Анны-Луизы Жермены де Сталь и Клер Элизабет Жанны де Ремюза позволяют выяснить, какую различную оценку имела образовательная политика Наполеона во французском обществе. Госпожа де Сталь, принадлежавшая к либеральной оппозиции, страстно, а порой и пристрастно критиковала все действия Наполеона, в которых видела проявление его деспотизма и ограни-

чение общественной свободы. Однако следует отметить, что она лишь в наиболее крайней и очень эмоциональной форме выражала позицию той части французского общества, которая критически и со скрытым недоброжелательством относилась к Бонапарту. Госпожа де Ремюза, фрейлина Жозефины и супруга камергера императора, напротив, в своих воспоминаниях отражала мнение тех, кто принимал и поддерживал его преобразования. В отличие от Ж. де Сталь, она скрывала эмоции, стремясь к видимой объективности и беспристрастному анализу, но на деле ее целью было оправдать и одобрить деятельность Наполеона и его окружения, выделив ее положительные результаты.

**Анализ.** Для того чтобы понять, какие преобразования провел Наполеон в сфере образования, необходимо рассмотреть, что он получил в наследство от революции с ее стремлением уничтожить прежнюю образовательную систему и создать новую, в полной мере реализующую идеи Просвещения.

До революции система образования во Франции находилась под контролем церкви, в первую очередь заботившейся о правильном религиозном воспитании. Изучение церковной доктрины составляло основы начального образования. Средней ступенью были коллежи, являвшиеся основным типом общеобразовательного учреждения в XVIII веке. В конце 1700-х гг. в стране насчитывалось 562 коллежа с 73 тыс. учащихся [34, т. 1, р. 11–14].

К концу XVIII в. во Франции было 22 университета, большинство из которых являлись старейшими в Европе. Их структура, основанная на четырех факультетах – свободных искусств, богословия, права и медицины, сложилась в Средние века и с тех пор оставалась неизменной. Следует отметить тесную связь университетов и католической церкви. Так, Сорбонна – богословский факультет Парижского университета – прежде всего была частью духовной структуры. Неменявшаяся система обучения вызывала резкую критику просветителей, считавших университеты пережитками феодализма. Ни по своей структуре, ни по качеству знаний университеты уже давно не соответствовали интересам и потребностям общества. Показательно, что в XVIII в. создаются новые высшие учебные

заведения, отвечающие практическим требованиям и пропагандирующие современные технические знания, такие как Школа мостов и дорог, Школа горного дела и др.

Сами университеты осознавали необходимость перемен. Весной 1789 г. университетский корпус активно участвовал в выборах в Генеральные штаты. Аббат Дюмушель, ректор Сорбонны, был избран в качестве депутата от духовенства. Парижский университет поддерживал идею реформ, но вряд ли предвидел, что они приведут к его ликвидации.

Для Учредительного собрания вопрос об образовании не являлся первостепенным. «Декрет Национального собрания, касающийся учреждения собраний представителей и административных собраний» от 22 декабря 1789 г. поручал администрациям департаментов надзор «за народным образованием и за политическим и нравственным воспитанием» [9, с. 72]. Это означало, что организация образования по-прежнему находилась в руках церкви, но контроль переходил под руководство политической власти.

В 1791 г. Шарль Морис де Талейран представил Учредительному собранию проект организации системы народного образования. Он писал в своих мемуарах: «Я предложил декретировать единообразие мер и весов и взял на себя доклад о народном образовании от имени комитета по выработке конституции. Для выполнения этой большой работы я обращался за указанием к самым образованным лицам и самым видным ученым той эпохи, в которую жили Лагранж, Лавуазье, Лаплас, Монж, Кондорсе, Вик д'Азир, Лагарп, – и они все помогли мне. Я должен упомянуть о них, так как эта работа приобрела некоторую известность» [24, с. 182].

Проект Ш.М. де Талейрана содержал все главные идеи об образовании, сложившиеся в просветительских кругах к началу революции. Он подчеркивал, что цель образования «заключается в совершенствовании человека во всех его возрастах и в бесконечном служении просвещения и опыта государства благу каждого и благу всего общества» [23, с. 134]. Ш.М. де Талейран и его соавторы впервые предложили четкую и единую систему, состоящую из четырех последовательных ступеней. Первая ступень – начальное об-

разование. Оно должно быть бесплатным и финансироваться за счет средств департаментов. Принципиальным здесь было утверждение о том, что образование – общее благо и должно существовать для всех, независимо от происхождения, пола и возраста [23, с. 135]. Вторая ступень – семилетние средние школы, дающие более глубокие знания, такие как классические языки, логика, физика и расширенный курс математики. Они должны были находиться в центрах департаментов. Третья ступень предусматривала создание специальных учебных заведений – медицинских, военных, юридических, богословских и др. Они должны были размещаться в главных городах страны. Среднее и специальное образование предполагало плату за обучение, поскольку предназначалось для более узкого числа лиц, стремившихся к получению знаний.

Центром образовательной системы должен был стать Национальный институт в Париже. По мысли Ш.М. де Талейрана, высшее образование предназначается лишь для некоторого числа лиц, «проявивших особые способности». В будущем они смогут принести большую пользу обществу, и следовательно, их обучение должно осуществляться за государственный счет. Институт будет соединять образовательную и научную деятельность, поэтому в департаментах предлагалось создать научные центры, подчиненные ему. В состав Института должны войти лучшие умы страны, в его распоряжении будут находиться библиотеки, музеи, научные и учебные лаборатории. Таким образом, Национальный институт, как утверждал Ш.М. де Талейран, станет «и трибуналом, где превалирует трезвое суждение, и сердцевиной, в которой должны концентрироваться истины» [23, с. 140].

Проект Ш.М. де Талейрана не был принят, но Учредительное собрание включило в Конституцию 1791 г. один из важнейших его пунктов: «Будет создано и организовано народное образование, общее для всех граждан, бесплатное в отношении тех этапов образования, которые необходимы для всех людей» [14, с. 251]. Следует отметить, что идеи, высказанные в этом докладе, будут использованы в дальнейшем и в несколько преобразованном виде окажутся реализованными при Наполеоне.

В период деятельности Законодательного собрания был создан Комитет народного образования во главе с Ж.-А.-Н. Кондорсе, который в апреле 1792 г. представил Национальному собранию «Доклад об общей организации народного образования» [13].

Речь шла о создании системы образования, свободного как от религиозного, так и какого-либо политического влияния. Ж.-А.-Н. Кондорсе особо настаивал на том, что «ни одна общественная власть не должна иметь права препятствовать распространению новых истин и обучению теориям, противоположным ее политике и интересам» [13, с. 180]. Деятельность школ должна находиться под контролем собрания народных представителей. Цель образования он видел в том, чтобы «каждый человек смог использовать и развивать свои природные таланты, и в результате будет достигнуто фактическое равенство всех граждан» [13, с. 171].

Проект Ж.-А.-Н. Кондорсе также был отклонен. Законодательное собрание лишь ограничилось мерами по ликвидации конфессионального обучения. В августе 1792 г. был принят «Декрет Законодательного собрания об упразднении конгрегаций», который отделил школы от церкви. «Никакая область народного образования впредь не будет доверяться каким-либо из бывших мужских или женских конгрегаций черного или белого духовенства» [5]. Но, приняв этот акт, новая власть столкнулась с проблемой практически полного отсутствия учителей. В результате членам конгрегаций, занятых в народном образовании, было разрешено продолжать прежнюю деятельность в индивидуальном порядке, пока реорганизация системы народного образования не будет окончательно завершена.

В период якобинской диктатуры появился новый проект реформы народного образования, предложенный Л.М. Лепелетье. Автор подчеркивал, что «осмелился предложить гораздо более широкую программу, которая могла бы способствовать национальному возрождению Франции путем создания нового народа» [17, с. 247]. Он полагал, что образование неотделимо от воспитания. Причем воспитание должно быть общим для всех и носить характер национальный и республиканский. Этот проект также не был реализован, но высказанная в нем идея идеологического

характера образования получит дальнейшее развитие.

Конвент все же произвел значительную реорганизацию в системе образования. «Декрет об организации народного образования» от 29 фримера – 5 нивоа II г. (19–25 декабря 1793 г.) провозглашал свободное образование, которое должно было осуществляться публично. Профессиональная деятельность учителей контролировалась муниципалитетами или секциями, а также родителями или опекунами. Важнейшая задача этого контроля – пресекать преподавание каких-либо «истин или максим, противоречащих законам и республиканской морали» [7, с. 465]. Учебные пособия подлежали обязательному утверждению Конвентом и должны были пропагандировать республиканские добродетели. Школы стремились освободить от всякого религиозного влияния. Вместо молитв учили текст «Декларации прав человека и гражданина». Однако все эти мероприятия затрагивали прежде всего начальное образование, а система дореволюционных коллежей оставалась без изменений.

Зато якобинская власть решила провести радикальные изменения в отношении высших научных учреждений, поскольку видела в них скрытую оппозицию существующему режиму. 8 августа 1793 г. была закрыта Академия наук и все связанные с ней научные общества [11]. Государство прекращало их финансирование. Были сохранены только некоторые научные учреждения. Например, Королевский сад преобразовали в Музей естественной истории. Из старейших учебных заведений продолжал свою работу Коллеж де Франс.

Во время якобинской диктатуры была решена и судьба университетов. 15 сентября 1793 г. Конвент принял декрет об их упразднении на всей территории республики [34, т. 1, р. 188]. Революция лишила их прежних источников финансирования. Кроме того, они уже давно были несостоятельны как современные учебные заведения.

В 1794 г. французскими учеными Гаспаром Монжем и Лазаром Карно была основана Центральная школа общественных работ, преобразованная в 1795 г. в Политехническую школу, которая готовила инженеров и соответ-

ствовала хозяйственным и военным целям новой власти [6].

В период Директории преобразования были продолжены. Десятая глава «Конституции Французской республики 5 фрюктидора III г. (22 августа 1795 г.)» утверждала новую систему народного просвещения, которое было объявлено правом и долгом государства. Конституция установила три ступени: начальное, среднее и высшее. «В Республике имеются школы первой ступени, где ученики учатся читать, писать, обучаются элементам счета и правилам морали» [15, с. 342]. Для окончивших школы первой ступени создавались высшие школы, при этом таким образом, чтобы «одна высшая школа приходилась на два департамента» [15, с. 342]. Но прежняя проблема – отсутствие новых педагогических кадров – оставалась нерешенной.

Важнейшим мероприятием для развития науки стало учреждение Национального института Франции, разделенного на три класса по направлениям деятельности. Первый класс занимался физическими и математическими науками, второй развивал моральные и политические науки, третий был посвящен литературе и искусству. В Конституции 1795 г. отмечалось: «Институт входит в состав республики. Он должен собирать открытия, совершенствовать науки и искусства. Каждый год он должен давать отчет законодательным органам об успехах наук и о трудах каждого своего разряда» [15, с. 342]. Раздел IV «Декрета Конвента об организации народного образования» от 3 брюмера IV г. (25 октября 1795 г.) был посвящен принципам функционирования Национального института наук и искусств, подчеркивая, что его деятельность направлена на «общественную пользу и славу Республики» [8, с. 470].

Таким образом, в годы революции старая система образования была разрушена, но на смену ей не пришла новая. Образование было выведено из-под церковного контроля и поставлено под контроль местных органов власти, но не хватало профессиональных кадров для работы в начальной и средней школе. Система высшего классического образования была ликвидирована. Высшие учебные заведения выпускали специалистов необходимого технического профиля, но гуманитарная сфе-

ра, слишком неопределенная, слишком подверженная влиянию идеологии, отсутствовала. Наконец, научная деятельность, провозглашенная важнейшей, не имела главного средства для осуществления научной работы – финансирования.

Наполеон унаследовал весьма противоречивую и неустойчивую систему как в образовательной, так и в научной деятельности, которую ему предстояло укрепить и поставить на службу своим политическим интересам.

Консолидация нации, стабильность и порядок пришли на смену политической борьбе и неуверенности в будущем. Эти идеи первый консул, а затем император активно стремился внедрять в общественное сознание. Революционные потрясения и разрушения закончились, пришло время создавать новую политическую систему, которая обеспечит устойчивое развитие экономики и приведет Францию к процветанию и величию. Однако реорганизация финансовой системы, судебная и административная реформы требовали обновления и увеличения профессиональных кадров в этих сферах, а также уверенности в их преданности или по крайней мере лояльности новой власти.

Наполеон стремился подавить якобинскую оппозицию, ликвидировать угрозу, исходящую от активных роялистов и привлечь на свою сторону роялистов умеренных. Политические крайности мешали добиться единства нации, но людей, преданных своим убеждениям, было сложно, а вернее всего, и невозможно изменить. Другое дело – подрастающее поколение и молодежь с еще неопределившимися взглядами: здесь именно новой системе образования отводилась та роль, которую Л.М. Лепелетье определил как «создание нового народа». Однако теперь речь шла о приверженности не республиканским ценностям, а идеи величия единой французской нации, нашедшей политическое воплощение в новой империи. Наука и образование должны были служить как практическим целям, так и задачам идейного воспитания и формирования благоприятного общественного мнения. «Но было бы совершенно напрасно создать и довести до зрелости современную систему с помощью ударов и резких скачков, – замечал Наполеон. – Эту систему следует насаждать с по-

мощью образования, она должна пускать корни с умом и убежденностью, – тогда этот процесс пойдет, ибо современные принципы основаны на простых истинах» [16, с. 668].

Развитию наук Наполеон придавал большое значение. С Институтом у него сложились очень тесные и на первый взгляд благожелательные отношения. Еще в декабре 1797 г. генерал Бонапарт был избран членом Института по Первому классу физических и математических наук, что в наибольшей степени подходило артиллерийскому офицеру [10, с. 302]. Ж. Тюлар считал выборы в Институт одной из самых значительных политических побед Наполеона, отмечая, что это был «далновидный маневр, обеспечивший ему поддержку идеологов, “неподкупной совести” нисходящей Революции» [26, с. 78].

Наполеон поблагодарил членов Института, оказавших ему подобную честь, и красноречиво заметил, что «подлинные победы, победы, которые не оставляют чувства сожаления, в отличие от кровавых побед на поле боя, это победы над невежеством. Самое достойное и самое полезное для нации занятие – это развитие человеческих знаний, и главной заботой Французской республики отныне должна стать забота о том, чтобы не допустить появления новых знаний, которые не принадлежали бы этой республике» [10, с. 303]. И.С. Дмитриев подчеркивает, что Наполеон стал членом Института не за научные заслуги, а как национальный герой, что было свидетельством отказа от одной из важнейших традиций научного сообщества Франции – не принимать в свои ряды политических кандидатов. В марте 1800 г. Наполеон, теперь уже первый консул, был избран президентом Первого класса Института, хотя на заседаниях бывал редко, а с 1802 г. перестал на них присутствовать.

Жермена де Сталь с негодованием отмечала, как стремились члены Института заручиться поддержкой Наполеона: «С первого года царствования Бонапарта приближенные осыпали его самыми неумеренными похвалами; особенно отличились члены Института, вздумавшие сказать первому консулу, что храбрость изменяет ему в одном-единственном случае – когда его превозносят до небес» [21, с. 35].

Что же заставляло французских ученых превозносить первого консула, а затем императора? В первую очередь новый режим осуществлял щедрое финансирование научной деятельности.

«Ученым покровительствовали в их открытиях», – вспоминала госпожа Ремюза [18, с. 342]. «Бонапарт покровительствовал им всем; он обогатил многих из них, наградил новыми отличиями, некоторых ввел в Сенат. Мне кажется, это значило оказать честь этому учреждению, и сама эта идея не лишена величия. Притом ученые в его царствование не проявляли большей независимости, чем другие представители общества. Один только Лагранж, которого Бонапарт сделал сенатором, держался, тем не менее, вдали от него; но Лаплас, Ласепед, Монж, Бертоле, Кювье и некоторые другие принимали его милости очень охотно и платили за них постоянным восхищением» [18, с. 398].

Мемуаристка тонко подметила еще одну важную составляющую политики Наполеона в области культуры, науки и образования – это прославление деятелей науки и искусства как творцов славы и величия страны. Французские ученые получали не только безусловные материальные выгоды. Крупнейшие представители французской науки – Г. Монж, П.С. Лаплас, Ж.Л. Лагранж, К.Л. Бертолле и др. – были удостоены ордена Почетного легиона [10, с. 315]. Таким образом, в годы консульства и империи ученые приобрели высокий социальный статус, которым чрезвычайно дорожили.

Для Наполеона первостепенное значение имели естественные науки и математика. Это было связано и со свойственным Наполеону практицизмом и с его собственными склонностями. Ф. Бурьенн вспоминал, что в годы учебы лучше всего Бонапарту давалась математика, в которой он проявил выдающиеся способности. Он сожалел, что в Бриенском коллеже плохо преподавали химию и физику, полагая, что более глубокое изучение этих предметов могло направить Наполеона на научный путь, что, по мнению его друга детства и секретаря, соответствовало складу его ума [1, т. 1, ч. 1, с. 69].

Гуманитарные предметы интересовали его меньше. Ф. Бурьенн вспоминал, что На-

полеон превосходно знал историю, но его увлекала прежде всего античная история, особенно та ее часть, где говорилось о гражданских добродетелях и преданности государству [1, т. 1, ч. 1, с. 74]. Стендаль также отмечал ограниченность гуманитарных интересов Наполеона, утверждая, что «за исключением математики, артиллерийского дела, военного искусства и Плутарха, Наполеон ничего не знал» [22, с. 223]. Третий класс Института, занимавшийся литературой и искусством, вызывал у первого консула скорее подозрения, как и все, кто занимался литературным творчеством. Он хорошо знал сочинения просветителей, особенно Ж.-Ж. Руссо, но они не вызывали у него сочувствия и поддержки. Скорее всего, он понимал зыбкость фундамента, на котором было построено здание этих теорий. «Это все совершенно никчемные люди при любом правительстве, – говорил он Ф. Бурьенну о писателях. – Однако я буду выплачивать им жалованье, поскольку это мой долг как главы государства» [1, т. 5, ч. 9, с. 126].

Показательно отношение Наполеона к истории Франции и тому, на что следует обращать внимание при ее изучении. Он положительно отозвался о переиздании «Истории Франции Велли, Вилларе и Гарнье» («L'Histoire de France de messieurs Velly, Villaret et Garnier») и «Краткой хронологии истории Франции» Ш.-Ж.-Ф. Эно («Abrégé chronologique de l'histoire de France jusqu'à la mort de Louis XIV»), отметив их как классические труды, которые полезно изучать последовательно. По его мнению, они прекрасно показывают все противоречия Старого порядка: «вечный беспорядок в финансах, хаос провинциальных собраний, притязания парламентов, отсутствие правил и пружин в администрации, эта пестрая Франция, без единства законов и администрации, является скорее собранием двадцати королевств, чем одним государством», что выгодно демонстрирует преимущества современной системы, «когда мы пользуемся благами, обусловленными единством законов, администрации и территорий» [36, № 13735, р. 489–490].

Однако Институт занимался исключительно научной деятельностью, система образования не входила в сферу его компетенции, но научные кадры необходимо было по-

полнять, так же как необходимо было дать народному просвещению не только определенную структуру, но и четкое идейное направление деятельности.

Первые мероприятия по реорганизации системы образования начались уже в период консульства. В 1802 г. было создано Министерство национального образования Франции. Главным управляющим народным образованием Франции был назначен выдающийся ученый-химик Антуан Франсуа Фуркуа. На основе его идей был принят Декрет от 11 флореаля X г. (1 мая 1802 г.) о народном образовании, который создавал следующую структуру: 1) начальные школы; 2) общеобразовательные школы; 3) лицеи; 4) специальные школы; 5) военные училища; 6) национальные пансионы [34, т. 2, р. 15]. Таким образом создавалась четкая многоступенчатая образовательная система, схожая с той, которую в первые годы революции предлагал Ш.М. де Талейран. Но если в 1791 г. она казалась преждевременной и трудно осуществимой, то в 1802 г. ее время пришло. У нового политического режима было достаточно возможностей для ее реализации.

Декрет от 11 флореаля X г. сохранял автономию коммун в сфере начального образования. Контроль над учебными заведениями осуществляла префектура, а выбор преподавателей – мэры и муниципальный совет.

Крайне негативную оценку политике Наполеона в области образования давала госпожа де Сталь: «Не довольствуясь декретами, которые сосредоточивали в руках Бонапарта высшую власть, не довольствуясь порабощением прессы и бесконечными софизмами, которые изо дня в день заполняли газетные полосы и одурманивали ложью умы всех, кто читает, не читая, то есть не способен задуматься над книгой и умеет лишь забавлять, – не довольствуясь, говорю, всеми этими способами лишить публику здравого смысла, приспешники первого консула решили заняться образованием, иначе говоря, способами приурочить к рабству подрастающее поколение, как будто для этого было недостаточно примера, подаваемого отцами» [21, с. 58].

Среднее образование давали лицеи и средние школы. Лицеи были государственными



ми, и поэтому их было немного. Средства для их финансирования поступали из платы за обучение и государственных субсидий. По закону на каждый округ, имеющий свой апелляционный суд, полагался один лицей. В них изучали математику, естественные науки, риторику, логику, этику, литературу и классические языки, дополнительно преподавали современные языки и рисование. Контроль за учебной деятельностью осуществляло административное бюро, в которое входили директор, мэр города, префект департамента и два члена апелляционного суда.

Также были созданы средние общеобразовательные школы, или коммунальные коллежи. Они были не государственными, а общественными или частными учебными заведениями. Их учебная программа представляла собой несколько сокращенный вариант лицейской программы.

В программе общеобразовательных школ и лицеев преобладали точные науки. Гуманитарные знания рассматривались как дополнительные, необходимые для развития личности. Ф. Бурьенн вспоминал, что в коллеже Наполеону крайне тяжело давалась латынь. Возможно, что практический склад его ума отвергал знания, которым он не видел применения. Этим можно объяснить и пренебрежение к классическим языкам в образовательной программе коллежей, принятой в период консульства.

«С огромным трудом удалось добиться от первого консула позволения преподавать в школах латынь, – негодовала госпожа де Сталь. – Греческий же был изгнан из них раз и навсегда. В самом деле, на что этот древний язык подданым государства, глава которого нуждается только в землепашцах и солдатах? <...> Все образование приняло военный характер... <...> Природа Бонапартова деспотизма такова, что, как бы ни складывались дела, он не может завещать грядущим поколениям ничего, кроме несчастий и невежества» [21, с. 59].

Наполеон в своих распоряжениях и публичных заявлениях не скрывал, что система образования должна служить его главной цели – консолидации нации. Вот почему госпожу де Сталь возмущал все более идеологизированный характер образования.

Однако с этим мнением не соглашалась другая мемуаристка – госпожа Ремюза, отличавшаяся точностью суждений и глубоким анализом происходивших на ее глазах событий: «Говорили, что в эпоху Империи образование в лицеях носило чисто военный характер, но это неверно. В них очень много занимались литературой, были усилены занятия древними языками, математикой и искусствами; обращали внимание на нравственность, установили строгий надзор за учениками. Но образование не было ни в достаточной мере религиозным, ни в достаточной мере национальным, а между тем это было время, когда требовалось, чтобы оно отличалось и тем, и другим. В этих заведениях нисколько не старались дать молодым людям политические и нравственные знания, которые создают хороших граждан и готовят их к участию в работе правительства.

Юношество, воспитывавшееся в лицеях, достигло известной силы благодаря всемогуществу общественного образования. Быть может, оно заблуждалось порой и давало заманить себя обаянием блестящего ореола славы, окружавшего Бонапарта. Но энтузиазм юных душ всегда имеет своим источником благородные чувства; он охватывает их, при этом не развращая. Можно было восторгаться Бонапартом и потом возвратиться к любви, к родине и к свободе» [18, с. 570–571].

В течение двух лет после вступления в силу Декрет от 11 флореаля X г. во Франции было создано 378 общеобразовательных школ различных степеней, 361 частная школа и 46 лицеев. Министерство национального образования осуществляло организацию процесса обучения, формировало администрации, были подготовлены учебники и назначены преподаватели. Наполеон держал под своим неусыпным контролем процесс создания учебных заведений, реагируя на все проблемы, возникающие с финансированием лицеев. В 1808 г. на содержание лицеев был выделен миллион франков, но император настаивал, чтобы «расходы лицеев частично оплачивались муниципалитетами» [36, № 13643, р. 411].

Также началось создание специальных учебных заведений, обеспечивавших пополнение профессиональных кадров в различных областях. Были восстановлены медицинские

школы в Париже, Монпелье и Страсбурге, созданы четыре Школы естественной истории, естественной философии, химии, две Школы механических и химических искусств, одна Математическая школа, одна Школа географии, истории и политической экономии и одна Школа искусств и ремесел [12, с. 266].

В 1804 г. был принят «Гражданский кодекс французов», вторично изданный в 1807 г. уже как «Кодекс Наполеона». Его создание император признавал важнейшим мероприятием своего правления, считая установление единой и универсальной правовой системы безусловным благом для общества. «Мой Кодекс, – заявлял Наполеон, – резко уменьшил судебные тяжбы, сделав многочисленные судебные процессы понятными каждому человеку» [16, с. 729]. Но для того, чтобы новая судебная система начала эффективно функционировать, были необходимы квалифицированные юристы. Между тем именно создание юридических школ происходило с наибольшими проблемами. Основной причиной была нехватка новых преподавательских кадров.

Для решения этого вопроса по указанию Наполеона в 1804 г. были приняты два декрета (от 22 вантаза XII г. и от 4-го дополнительного дня), четко определившие структуру и принципы преподавания в юридических школах. В них должны были преподавать только то, что строго необходимо для практических нужд: «французское гражданское право в порядке, установленном гражданским кодексом, римское право в его отношениях к французскому, уголовное законодательство и судопроизводство гражданское и уголовное, французское государственное право и гражданское право в его отношении к государственному управлению» [34, т. 2, р. 16].

По своему административному устройству юридические школы были однотипными. Преподаватели назначались лично императором после публичного конкурса. Конкурс давал право не на занятие вакантной должности на кафедры, а только на то, чтобы победивший кандидат был предложен правительству для последующего отбора. Один из профессоров на три года назначался на должность директора и возглавлял школу. При нем находился главный секретарь, также назначаемый императором. Помимо этого, контроль над

школой осуществлялся генеральным инспектором, административным бюро и дисциплинарным советом. Здесь можно согласиться с госпожой де Сталь о крайне регламентированном, почти военном характере данной системы. Однако учащиеся набирались очень быстро: в 1807 г. их было уже 2 000 на 10 юридических школ [34, т. 2, р. 23].

В медицинские и фармацевтические школы новая власть внесла несколько важных изменений. Наряду со степенью доктора, которую получили выпускники школ, вводилось звание санитарного инспектора. Его в каждом департаменте присуждало специальное жюри. Музей естественной истории, входивший теперь в систему специальных школ, был сохранен без изменений.

Политехническая школа превратилась в закрытое учебное заведение военного образца. По окончании школы 95 % выпускников поступали на военную службу, прежде всего в артиллерию [10, с. 267]. Госпожа де Сталь особенно негодовала по этому поводу: «Именно во время Революции была основана Политехническая школа, из стен которой вышли едва ли не все те сильные и независимые люди, что по сей день составляют главную надежду Франции. Член Государственного совета, которому поручено было ревизовать работу этой школы, заверил первого консула, что отныне она будет выпускать лишь людей рассудительных, что на нынешнем языке означает: людей, которые умеют покоряться силе и слушаться лишь велений корысти» [21, с. 58].

Заключение Конкордата поставило вопрос о восстановлении религиозного обучения, полностью уничтоженного революцией. По мнению Наполеона, «монахи были бы наилучшими воспитателями молодого поколения, если бы можно осуществлять над ними соответствующий контроль и сделать их независимыми от иностранного хозяина» [16, с. 246]. С этой целью было введено богословское образование, о котором в Декрете 11 флореаля X г. не говорилось. В 1805 г. были восстановлены католические семинарии, а в 1806 г. возникли протестантские академии [34, т. 2, р. 28].

Данная система народного просвещения по-прежнему не устраивала Наполеона. По его

мнению, преподаватели не были связаны друг с другом единой структурой. Он хотел создать максимально сконцентрированную гражданскую педагогическую корпорацию, которая будет иметь одного начальника, один устав и, что самое важное, одну доктрину. Начало устройство этой корпорации было положено Законом от 10 мая 1806 г. об Императорском университете, который должен был отвечать за государственное образование по всей империи, являясь монополистом в этой области [35]. Все раннее созданные образовательные учреждения следовало интегрировать в него.

Окончательная реализация этого проекта произошла в 1808 году. Первая статья Декрета от 17 марта провозглашала, что «государственное образование по всей Империи возложено исключительно на Университет» [32, art. 1]. Отныне все начальные и средние школы, лицеи, специальные образовательные учреждения входили в единую университетскую систему.

«В конце концов учреждение Университета было встречено с большим одобрением. Но случилось так, что последующие события привели его сначала в упадок, а потом и разрушили, как и все остальное», – так оценивала его создание госпожа Ремюза [18, с. 571].

Основание этого Университета должно было реализовать идею Наполеона о тесной связи государственной власти и образования. Прежде всего Университет являлся государственным учреждением и его деятельность была направлена на идейную поддержку государства. Согласно статье 38, все школы Университета должны брать за основу преподавания: «1) заповеди католической религии; 2) верность императору, императорской монархии, на которых возложена защита благополучия народа, и наполеоновской династии, являющейся хранительницей единства Франции и всех либеральных идей, провозглашенных Конституцией» [32, art. 38]. Преподавателям предписывалось при исполнении своих обязанностей подчиняться «законам педагогической корпорации, которые имеют своей целью установить единообразие в преподавании и стремятся воспитать для государства граждан, преданных своей вере, своему государю, своему отечеству и своей семье» [32, art. 38].

О том, какая атмосфера царила в учебных заведениях, писал в «Воспоминаниях о солдатской неволе» Альфред де Виньи: «Логарифмы... были в наших глазах лишь ступенями, ведущими к звезде Почетного легиона, которая нам, детям, представлялась самой прекрасной из всех небесных звезд» [2, с. 10]. Все более активно насаждаемый культ императора и его военных побед пробуждал стремление к военной славе: «Учителя без устали читали нам бюллетени Великой армии и наши возгласы “Да здравствует Император!” прерывали толкование текстов Тацита и Платона. Наши наставники походили на герольдов, наши классы – на казармы; наши рекреации напоминали маневры, а экзамены – войсковые смотры» [2, с. 10].

Таким образом, стремление Наполеона к четкой образовательной системе, которую можно будет контролировать и направлять получило свое воплощение. 144 статьи «Декрета об организации Университета» определяли его структуру и сферу деятельности, а также взаимосвязь входивших в эту систему учебных заведений. Во главе Императорского университета стояли гроссмейстер и университетский совет. Они обсуждали наиболее важные дела и заботились о поиске всех средств к улучшению обучения [19, с. 105]. Далее шли канцлер, казначей, старшие и младшие инспекторы, директора и преподаватели специальных школ, лицеев и коллежей, репетиторы и адъюнкты. Все эти должностные лица были в строго иерархическом порядке подчинены гроссмейстеру. Каждый сотрудник имел свою специальную функцию и свой порядковый номер в этой обширной корпорации [32, art. 29–35]. Продвижение по служебной лестнице было таким же, как в армии. Эта идея исходила от Наполеона, который стремился таким образом ввести в систему образования строгий порядок и неукоснительное исполнение служебной дисциплины. Исключение составляли только специальные школы, где должности на кафедрах замещались конкурсным порядком.

Университет был разделен на округа, называемые академиями. Во главе каждой академии стояли ректор и академический совет [19, с. 102].

Университету подчинялись все учебные заведения – как общественные, так и част-

ные. Ни одна школа, ни одно учебное заведение не могло быть открыто за пределами Университета и без разрешения его руководителей. Никто не мог открыть школу или заниматься преподавательской деятельностью, не будучи членом Университета и не закончив один из его факультетов [32, art. 3].

Государственные учебные заведения учреждались и управлялись Университетом, частные открывались с его разрешения и контролировались им. Только Музей естественной истории и Коллеж де Франс были в виде исключения выведены из подчинения ему. Все учебные заведения, входившие в университетскую систему, делились на три категории: высшего, среднего и начального образования.

Высшее образование было представлено пятью факультетами Университета: теологическими (делившимися, в свою очередь, на католические и протестантские), юридическими, медицинскими, физико-математическими и филологическими [32, art. 6]. Юридическими и медицинскими факультетами становились теперь прежние специальные школы, сменившие название. Католические семинарии и протестантские академии преобразовывались в теологические факультеты. Физико-математические и филологические факультеты создавались специально, их главной целью была подготовка научных и преподавательских кадров высшей категории. Только факультеты обладали правом присуждения ученых степеней. В штаты факультетов в департаментах входили преподаватели местных лицеев. В Париже они формировались из лицейских преподавателей, а также из профессуры Политехнической школы, Музея естественной истории и Коллеж де Франс. В рамках филологических факультетов было восстановлено преподавание истории и созданы кафедры истории.

По замыслу Наполеона, средняя школа должна была давать общее образование и готовить молодых людей к последующему поступлению в одну из специальных школ. Для пополнения педагогических кадров в Париже был основан Нормальный пансион, рассчитанный на 300 студентов [32, art. 110]. Впоследствии он был преобразован в главное высшее учебное педагогическое учреждение Франции – Высшую нормальную школу. Так была решена еще одна важная задача, которую не

смогли осуществить в период революции, – подготовка профессиональных учителей, обладающих не только специальными знаниями, но и методикой преподавания.

Декрет от 17 марта 1808 г. подчинил все начальные школы Университету, связав их таким образом с центром. Гроссмейстер был обязан следить за подбором учителей.

Для облегчения этого подбора декрет предписывал открыть «при каждой академии, в лицеях и коллежах по одному или по несколько нормальных классов, предназначенных для подготовки учителей начальных школ» [32, art. 108]. Они должны были постоянно развивать методику преподавания чтения, письма и счета. Декрет разрешал монахам конгрегации «Братья христианских школ» открывать начальные школы, надзор за деятельностью которых осуществлял гроссмейстер Университета. Настоятели могли быть членами Университета [32, art. 109].

Последующий Декрет от 4 июня 1809 г. определял систему отношений Университета и школ [31]. Теперь во Франции существовал единственный и единый для всей империи Университет, в полном смысле реализующий идею универсальности и контролирующей всю систему образования в стране.

Госпожа Ремюза в своих мемуарах называла учреждение Университета событием внушительным и грандиозным. «Я хочу сказать об Университете. Народное просвещение было облечено в твердую и широкую систему, и все относившиеся к нему декреты были результатом великой идеи, как говорили в то время. Позднее с Университетом произошло то же, что и со всем остальным. Бонапарт, при своем деспотизме, скоро сам испугался той силы, которую создал и которая могла бы сделаться препятствием для осуществления того или другого из его требований. Министр внутренних дел, префект, верховная администрация, то есть вся эта система абсолютной власти, вмешивались во все, что касалось университетской корпорации, противодействовали ей, уничтожали ее постановления, когда им казалось, что в этих постановлениях проявлялся хоть малейший дух независимости. И в этом отношении мы являемся скорее красивым фасадом, чем настоящим зданием» [18, с. 569].

Отмечая все существующие проблемы, она все же оценивала создание Университета положительно: «Но при всем том народное просвещение во Франции все-таки выиграло благодаря этому созданию императора. В систему образования был внесен порядок, были усилены занятия наукой, – юношество оказалось занятым» [18, с. 570].

«Декрет об университетском управлении» от 15 ноября 1811 г. более детально излагал внутреннее устройство Университета, определял его юрисдикцию и установил источники его финансирования, завершив таким образом его организацию и централизацию [34, т. 2, р. 27]. Император подчеркивал, что Университет должен быть, прежде всего, орудием правительства.

О том, какое значение Наполеон придавал деятельности Университета, вспоминал граф Лас-Каз: «Я помню, что однажды на заседании Государственного совета долго обсуждали вопрос, имеющий отношение к Университету. Император выразил неодобрение медленными темпами улучшения деятельности этого заведения. Он дал неудовлетворительную оценку деятельности всего Университета. Господину Сегюру было поручено представить доклад по этой проблеме, который он и сделал с присущими ему откровенностью и честностью. Он провел необходимое расследование и выяснил, что планы императора были плохо поняты и скверно осуществлялись. Наполеон хотел, чтобы овладение общими знаниями стало в Университете второстепенной целью, а наибольшее внимание уделялось бы национальным ценностям и доктринам. Однако именно этому уделялось мало времени.

Император выразил неудовольствие по поводу плохого управления Университетом. Он считал, что в этом важном государственном институте царят апатия и равнодушие. Император заявил, что самые лучшие его идеи были испорчены, что его намерения никогда хорошо не выполнялись и т. д.» [16, с. 113–114].

Наполеон создал четкую образовательную структуру, но реализация его планов пропаганды национальных ценностей и доктрин зависела от людей, которые в этой структуре служили. Именно здесь он потерпел неудачу,

столкнувшись с неясным, но непреодолимым сопротивлением.

Во главе Императорского университета был поставлен Жан Пьер Луи де Фонтан – писатель и публицист, которого его друг Ф.Р. де Шатобриан называл «последним по этому классической школы» и высоко ценил не только за «тонкость и чистоту его вкуса, силу и гармонию его стихов, не уступающих великим образцам», но и за великодушие и преданность друзьям [27, с. 238]. Вернувшись после 18 брюмера из Англии, Л. де Фонтан, благодаря блестящему ораторскому таланту, быстро сделал политическую карьеру, добившись расположения Наполеона. Его речи, по оценке Ф.Р. де Шатобриана, представляли собой «шедевры благопристойности, меры и достоинства» [27, с. 238]. В 1804 г. он стал председателем Законодательного собрания, а в 1808 г. – гроссмейстером Университета.

Госпожа Ремюза давала ему далеко не лестную характеристику, с которой были согласны многие современники, знавшие этого государственного деятеля: «Фонтан, который пользовался большим уважением благодаря своему прекрасному, благородному таланту и считался очень образованным человеком, отличался вместе с тем довольно слабым характером: он был немного беззаботен, ленив и нерешителен в своих действиях; все это указывало на то, что он неспособен бороться, когда это бывает нужно. Я могу отнести и его к числу фасадов, о которых только, что говорила» [18, с. 570].

Л. де Фонтан стремился привлечь в Университет талантливых деятелей, не особо считаясь с тем, насколько они лояльны наполеоновскому режиму, а оценивая прежде всего их способности. Пригласив в 1812 г. Франсуа Гизо занять место преподавателя по кафедре истории филологического факультета Парижской академии, он вскоре принял решение разделить кафедру на две, и Ф. Гизо стал главой новой кафедры современной истории, несмотря на то, что ему еще не было двадцати пяти лет [30, р. 15].

Ф. Гизо называл его «утонченным придворным» и «интеллектуальным любимцем самого могущественного правителя Европы» [30, р. 15], отмечая при этом, что Фонтан с уважением относился к независимым взгля-

дам и не проявлял излишней требовательности в насаждении официальной идеологии. Здесь показательна его реакция на отказ Ф. Гизо вставить в свою вступительную речь при открытии новой кафедры несколько фраз в похвалу императора: «Делайте, как хотите, – сказал мне господин де Фонтан, – с видимой смесью уважения и смущения; если на вас будут жаловаться, я буду защищать вас и себя, как смогу» [30, р. 17].

К этому следует добавить, что Фонтан, получивший в 1810 г. от Наполеона титул графа, был роялистом, хотя, как и многие сторонники Бурбонов, скрывал свою преданность старой династии, внешне принимая новую политическую систему. Лас-Каз замечал: «Когда император вернулся с Эльбы, то узнал о том, что глава Университета хвастался правительству, пришедшему на смену правительству империи, говоря: он делал все, что было в его силах, чтобы погасить тот энтузиазм, который Наполеон хотел привить подрастающему поколению» [16, с. 114].

В Университете помимо гроссмейстера было немало роялистов и либералов, несогласных с политикой Наполеона. Прежде всего следует назвать Пьера Поля Руайе-Коллара, в течение нескольких лет возглавлявшего роялистское агентство в Париже. До 1803 г. он находился в постоянной переписке с Людовиком XVIII, информируя претендента на престол обо всем, что происходило в столице. П.П. Руайе-Коллар принадлежал к умеренной группе сторонников восстановления монархии Бурбонов. Они отвергали насильственные методы борьбы и придерживались принципа: «Не любя Наполеона, предпочитать его» [20].

В Университете П.П. Руайе-Коллар был деканом филологического факультета Парижской академии и возглавлял кафедру философии. Ф. Гизо, которого с П.П. Руайе-Колларом связывали дружеские отношения, считал его представителем наиболее серьезной оппозиции наполеоновской системе, не проявляющейся в активных действиях, но глубокой и последовательной в своем неприятии официальной идеологии.

Таким образом, реализация целей воспитания молодого поколения в нужном для Наполеона русле оказалась в руках людей, не

разделявших этих целей. Возможно, у императора не было достаточного времени, чтобы полностью подчинить созданную им систему образования своим интересам. «Я готовил счастливое правление для моего сына, – говорил он Лас-Казу на острове Святой Елены. – Ради этого я в новой школе воспитывал многочисленный класс аудиторов Государственного совета. Получив образование и достигнув соответствующего возраста, они заняли бы все государственные должности в империи» [16, с. 731].

Лас-Каз писал о еще более глубоких планах Наполеона по преобразованию не только французского, но и европейского общества: «Он хотел установить во всех странах Европы единую денежную систему, систему мер и весов, а также единообразие законов. “Почему, – спрашивал он, – мой “Кодекс Наполеона” не может стать основой для создания Кодекса Европы, а мой Императорский университет – образцом для Европейского университета? Все население Европы стало бы единой семьей, и любой человек во время поездки за границу по-прежнему чувствовал бы себя так, словно он находится на родине”» [16, с. 671]. Показательно, что в своем проекте единой Европы он в качестве объединительной основы выделял финансовую, юридическую и образовательную системы.

Мероприятия Наполеона в сфере образования, безусловно, соответствовали потребностям французского общества и шли в общем русле образовательной политики европейских стран, стремившихся к упорядочению системы воспитания и обучения, созданию взаимосвязанных и последовательных ступеней начального, среднего и высшего образования, преемственности учебных программ, выработке профессиональной педагогической методики. Общим является и стремление поставить образование под государственный контроль. Неслучайно именно в этот период появляются Министерство народного просвещения в России и отдел образования при Министерстве внутренних дел в Пруссии, но именно во Франции единообразие и централизация получили наиболее законченную форму.

Период Реставрации внес определенные изменения в созданную систему, но они были

незначительными. В 1815 г. вместо одного Университета были созданы 17 университетов, лицеи переименовали в королевские коллежи, но после революции 1848 г. восстановили старое название. Звание гроссмейстера было отменено, но в 1822 г. введено вновь. С 1824 г. он стал называться министром народного просвещения и духовных дел. В 1830-е гг. государство расширило систему народного образования, было создано 30 новых Нормальных школ для подготовки педагогических кадров [12, с. 269].

**Результаты.** Разрушенная революцией система образования Старого порядка в наполеоновскую эпоху была полностью реорганизована и приведена в соответствие с потребностями быстро развивающегося французского общества. Она базировалась как на просветительских концепциях, в которых подчеркивалась определяющая роль воспитания в формировании личности, так и на идеях, возникших в период революции.

Целью Наполеона было создание стабильного и упорядоченного общества, отказавшегося от крайностей политической борьбы периода революции и ставящего на первое место национальные интересы. Единство нации базировалось на единстве административной, правовой и образовательной систем, а также на общей идейной основе. Важнейшими элементами новой идеологии стали прославление величия Франции, ее военных и дипломатических побед, а также все более усиливающийся культ императора.

Результаты политики в сфере образования были двойственны. Была создана строго централизованная, единообразная система образования, находящаяся под контролем государства и способная удовлетворить потребности в профессиональных кадрах разного уровня и в различных областях (государственная служба, юриспруденция, армия, финансы, медицина, педагогика, наука и техника). Однако служили эти кадры уже не наполеоновской системе. Созданная Наполеоном стройная структура образования, хотя и значительно преобразованная в XX в., существует и по сей день, что свидетельствует о ее успешности в плане организационных принципов и практического воплощения.

В свою очередь, реализация идеологической стороны образовательного процесса

была не столь эффективной. Вопреки стремлениям Наполеона, Университет с его четкой структурой соподчинения плохо справлялся с воспитанием особого духа единства и преданности новой имперской идеи, так как эту структуру наполняли люди со своими убеждениями или заблуждениями, зачастую противоположными официальной идеологии. Среди преподавателей и сотрудников академий, лицеев и школ, входивших в систему Университета, были и роялисты, и либералы, и республиканцы.

Противоречие между целями Наполеона и либеральным духом Университета не удалось преодолеть. Стремление превратить Университет в школу государственности было обречено на неудачу. На полях военных сражений у Наполеона были как великие победы, так и сокрушительные поражения. Битву за умы он в большей степени проиграл. Поколение, «воспитанное императором на его победных бюллетенях» [2, с. 6], оказалось привержено различным ценностям – монархическим, либеральным, республиканским и лишь отчасти бонапартистским. В созданной императором системе образования сохранялись независимый дух, критическое мышление и приверженность к свободному выражению своего мнения, что в общем всегда было и будет свойственно университетскому сообществу.

#### ПРИМЕЧАНИЕ

<sup>1</sup> См. также другие работы Д.М. Туган-Барановского: Туган-Барановский, Д. М. У истоков бонапартизма : (Происхождение режима Наполеона I) / Д. М. Туган-Барановский. – Саратов : Изд-во СГУ, 1986. – 199 с. ; Туган-Барановский, Д. М. Наполеон и власть / Д. М. Туган-Барановский. – Балашов : Изд-во БГПИ, 1993. – 304 с. ; Туган-Барановский, Д. М. «Лошадь, которую я пытался обуздать». Печать при Наполеоне / Д. М. Туган-Барановский // Новая и новейшая история. – 1995. – № 3. – С. 158–179.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурьенн, Л. А. Ф. де. Записки г. Буриенна, государственного министра о Наполеоне, директории, консульстве, Империи и восстановлении Бур-

- бонов : в 5 т. / Л. А. Ф. де Бурьенн. – СПб. : Тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1834–1839. – Т. 1, ч. 1. – 1834. – 349 с. ; Т. 5, ч. 9. – 1835. – 404 с.
2. Виньи, А. де. Неволя и Величие солдата / А. де Виньи. – Л. : Наука, 1968. – 188 с.
3. Воронцов-Вельяминов, Б. А. Лаплас / Б. А. Воронцов-Вельяминов. – М. : Наука, 1985. – 288 с.
4. Девятова, С. В. Французские ученые и Великая Французская революция (1792–1795) / С. В. Девятова, В. И. Купцов // Человеческий капитал. – 2012. – № 5 (41). – С. 168–171.
5. Декрет Законодательного собрания об упразднении конгрегаций 18 августа 1792 г. // Документы истории Великой французской революции. В 2 т. Т. 1. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – С. 454.
6. Декрет Конвента о создании в Париже Центральной школы общественных работ 7 вандемьера III года (28 сентября 1794 г.) // Документы истории Великой французской революции. В 2 т. Т. 1. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – С. 467.
7. Декрет Конвента об организации народного образования 29 фримера – 5 нивоа II г. (19 – 25 декабря 1793 г.) // Документы истории Великой французской революции. В 2 т. Т. 1. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – С. 465–466.
8. Декрет Конвента об организации народного образования 3 брюмера IV г. (25 октября 1795 г.) // Документы истории Великой французской революции. В 2 т. Т. 1. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – С. 467–470.
9. Декрет Национального собрания, касающийся учреждения собраний представителей и административных собраний 22 декабря 1789 г. // Документы истории Великой французской революции. В 2 т. Т. 1. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – С. 68–73.
10. Дмитриев, И. С. «Союз ума и фурий»: французское научное сообщество в эпоху революционного кризиса конца XVIII столетия и Первой Империи / И. С. Дмитриев. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. – 468 с.
11. Дмитриев, И. С. Академическая трагедия : (Ликвидация Парижской академии наук в эпоху Французской революции) / И. С. Дмитриев // Вопросы истории естествознания и техники. – 2014. – № 3. – С. 44–81.
12. История XIX века / под ред. Э. Лависса, А. Рамбо. В 8 т. Т. 1. Время Наполеона I. 1800–1815. Ч. 1. – М. : Гос. соц.-экон. изд., 1938. – 696 с.
13. Кондорсе, Ж.-А.-Н. Доклад об общей организации народного образования / Ж.-А.-Н. Кондорсе // Педагогические идеи Великой французской революции: речи и доклады. – М. : Работник просвещения, 1926. – С. 168–203.
14. Конституция 3 сентября 1791 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / под ред. П. Н. Галанзы. – М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1957. – С. 250–282.
15. Конституция Французской республики 5 фрюктидора III г. (22 августа 1795 г.) // Документы истории Великой французской революции. В 2 т. Т. 1. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. – С. 314–349.
16. Лас-Каз, граф. Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне. В 2 кн. Кн. 2 / граф Лас-Каз. – М. : Захаров, 2014. – 816 с.
17. Лепелетье, Л. М. План национального воспитания / Л. М. Лепелетье // Педагогические идеи Великой французской революции: речи и доклады. – М. : Работник просвещения, 1926. – С. 246–269.
18. Мемуары госпожи Ремюза. – М. : Захаров, 2011. – 608 с.
19. О французском университете // Журнал министерства народного просвещения. – 1835. – Т. 5. – С. 100–137, 331–362.
20. Пискунова, Е. П. Эволюция идеологии умеренных роялистов в период консульства Наполеона / Е. П. Пискунова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2008. – № 1 (13). – С. 64–72.
21. Сталь, Ж. де. Десять лет в изгнании / Ж. де Сталь. – СПб. : Крига : Изд-во Сергея Ходова, 2017. – 472 с.
22. Стендаль. Собрание сочинений. В 15 т. Т. 11. Жизнь Наполеона. Воспоминания о Наполеоне / Стендаль. – М. : Правда, 1959. – 432 с.
23. Талейран, Ш.-М. Доклад о народном образовании / Ш.-М. Талейран // Педагогические идеи Великой французской революции: речи и доклады. – М. : Работник просвещения, 1926. – С. 130–144.
24. Талейран, Ш.-М. Мемуары / Ш.-М. Талейран. – М. : Эксмо, 2015. – 413 с.
25. Туган-Барановский, Д. М. Наполеон и республиканцы / Д. М. Туган-Барановский. – Саратов : Изд-во СГУ, 1980. – 220 с.
26. Тюлар, Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе» / Ж. Тюлар. – М. : Молодая гвардия, 1996. – 322 с.
27. Шатобриан, Ф.-Р. Замогильные записки / Ф.-Р. Шатобриан. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1995. – 735 с.
28. Aulard, A. Napoléon I-er et le monopole universitaire: origins et fonctionnement de l'Université impérial / A. Aulard. – P. : Armand Colin, 1911. – 392 p.
29. Boudon, J.-O. Napoléon et les lycées: Enseignement et société en Europe au début du XIX<sup>e</sup> siècle / J.-O. Boudon. – P. : Nouveau Monde Éditions, 2004. – 392 p.
30. Guizot, F. Mémoires pour servir à l'Histoire de mon temps. En 8 tomes. Т. 1 / F. Guizot. – P. : Michel Lévy frères, 1858. – 483 p.



31. Décret impérial contenant diverses dispositions pour accorder le régime des anciennes écoles avec celui de l'Université, le 4 juin 1809. № 668 // Bulletin des lois. – Numéro 240. – Electronic text data. – Mode of access: [https://archive.org/details/dcretimprialcont00fran\\_0/mode/2up](https://archive.org/details/dcretimprialcont00fran_0/mode/2up). – Title from screen.

32. Décret impérial portant organisation de l'Université, le 17 Mars 1808. № 539 // Bulletin des lois. – Numéro 185. – Electronic text data. – Mode of access: <https://archive.org/details/dcretimprialport00fran/page/2/mode/2up>. – Title from screen.

33. Léon, A. Histoire de l'enseignement en France / A. Léon, P. Roche. – P. : Éditeur : Presses universitaires de France, 2012. – 393 p.

34. Liard, L. L'enseignement supérieur en France: 1789–1889. En 2 tomes / L. Liard. – P. : Armand Colin et C, Editeurs, 1888–1894. – T. 1. – 1888. – 474 p. ; T. 2. – 1894. – 519 p.

35. Loi relative à la formation d'une Université impériale, et aux obligations particulières des membres du corps enseignant, le 10 mai 1806 // Bulletin des lois. – Numéro 91. – Electronic text data. – Mode of access: [https://archive.org/stream/loirelativelafor00fran\\_13/loirelativelafor00fran\\_13\\_djvu.txt](https://archive.org/stream/loirelativelafor00fran_13/loirelativelafor00fran_13_djvu.txt). – Title from screen.

36. Napoleon I. Correspondance. En 32 volumes. Vol. 7 / Napoleon I. – P. : H. Plon : J. Dumaine, 1861. – 568 p.

## REFERENCES

1. Bourrienne L.A.F.de. *Zapiski g. Burienna, gosudarstvennogo ministra o Napoleone, direktorii, konsulstve, Imperii i vosstanovlenii Burbonov: v 5 t.* [Notes of Bourrienne, State Minister, About Napoleon, the Directory, the Consulate, the Empire and the Restoration of the Bourbons. In 5 Vols.]. Saint Petersburg, Tipografiya Shtaba Otdela korpusa vnutrenney strazhi, 1834–1839. Vol. 1, part 1, 1834. 349 p.; vol. 5, part 9, 1835. 404 p.

2. Vigny A.de. *Nevolya i Velichie soldata* [Captivity and the Greatness of the Soldier]. Leningrad, Nauka Publ., 1968. 188 p.

3. Vorontsov-Velyaminov B.A. *Laplas* [Laplace]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 288 p.

4. Devyatova S.V., Kuptsov V.I. Frantsuzskie uchenye i Velikaya Frantsuzskaya revolyutsiya (1792–1795) [French Scientists and the Great French Revolution (1792–1795)]. *Chelovecheskiy kapital* [Human Capital], 2012, no. 5 (41), pp.168-171.

5. Dekret Zakonodatelnogo sobraniya ob uprazhnenii kongregatsiy 18 avgusta 1792 g. [Decree of the Legislative Assembly on the Abolition of Congregations on August 18, 1792]. *Dokumenty istorii Velikoy frantsuzskoy revolyutsii. V 2 t. T. 1*

[Documents of the History of the Great French Revolution. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1990, p. 454.

6. Dekret Konventa o sozdanii v Parizhe Tsentralnoy shkoly obshchestvennykh rabot 7 vandemera III goda (28 sentyabrya 1794 g.) [Decree of the Convention on the Establishment of the Central School of Public Works in Paris Dated September 28, 1794]. *Dokumenty istorii Velikoy frantsuzskoy revolyutsii. V 2 t. T. 1* [Documents of the History of the Great French Revolution. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1990, p. 467.

7. Dekret Konventa ob organizatsii narodnogo obrazovaniya 29 frimera – 5 nivoza II g. (19–25 dekabrya 1793 g.) [Decree of the Convention on the Organization of Public Education Dated December 19–25, 1793]. *Dokumenty istorii Velikoy frantsuzskoy revolyutsii. V 2 t. T. 1* [Documents of the History of the Great French Revolution. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1990, pp. 465-466.

8. Dekret Konventa ob organizatsii narodnogo obrazovaniya 3 bryumera IV g. (25 oktyabrya 1795 g.) [Decree of the Convention on the Organization of Public Education Dated October 25, 1795]. *Dokumenty istorii Velikoy frantsuzskoy revolyutsii. V 2 t. T. 1* [Documents of the History of the Great French Revolution. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1990, pp. 467-470.

9. Dekret Natsionalnogo sobraniya, kasayushchiysya uchrezhdeniya sobraniy predstaviteley i administrativnykh sobraniy 22 dekabrya 1789 g. [Decree of the National Assembly Concerning the Establishment of Assemblies of Representatives and Administrative Assemblies Dated December 22, 1789]. *Dokumenty istorii Velikoy frantsuzskoy revolyutsii. V 2 t. T. 1* [Documents of the History of the Great French Revolution. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1990, pp. 68-73.

10. Dmitriev I.S. «*Soyuz uma i furii*»: *frantsuzskoe nauchnoe soobshchestvo v epokhu revolyutsionnogo krizisa kontsa XVIII stoletiya i Pervoy Imperii* [“The Union of Mind and Furies”: French Scientific Community in the Era of the Revolutionary Crisis of the Late 18<sup>th</sup> Century and the First Empire]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2011. 468 p.

11. Dmitriev I.S. Akademicheskaya tragediya: (Likvidatsiya Parizhskoy akademii nauk v epokhu Frantsuzskoy revolyutsii) [Academic Tragedy: (Liquidation of the Paris Academy of Sciences in the Era of the French Revolution)]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Studies in History of Science and Technology], 2014, no. 3, pp. 44-81.

12. Laviss E., Rambo A., eds. *Istoriya XIX veka. V 8 t. T. 1. Vremya Napoleona I. 1800–1815. Ch. 1* [History of the 19<sup>th</sup> Century. In 8 Vols. Vol. 1. Time of

- Napoleon I. 1800–1815. Part 1]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izd-vo, 1938. 696 p.
13. Kondorse Zh.-A.-N. Doklad ob obshchey organizatsii narodnogo obrazovaniya [Report on the General Organization of National Education]. *Pedagogicheskie idei Velikoy frantsuzskoy revolyutsii: rechi i doklady* [Pedagogical Ideas of the Great French Revolution: Speeches and Reports]. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya Publ., 1926, pp. 168-203.
14. Konstitutsiya 3 sentyabrya 1791 g. [Constitution of September 3, 1791]. Galanza P.N., ed. *Konstitutsii i zakonodatelnye akty burzhuznykh gosudarstv XVII–XIX vv.* [Constitutions and Legislative Acts of the Bourgeois States of the 17<sup>th</sup> – 19<sup>th</sup> Centuries]. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo yuridicheskoy literatury, 1957, pp. 250-282.
15. Konstitutsiya Frantsuzskoy respubliki 5 fryuktidora III g. (22 avgusta 1795 g.) [Constitution of the French Republic Dated August 22, 1795)]. *Dokumenty istorii Velikoy frantsuzskoy revolyutsii. V 2 t. T. 1* [Documents of the History of the Great French Revolution. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1990, pp. 314-349.
16. Las-Kaz graf. *Memorial Svyatoy Eleny, ili Vospominaniya ob imperatore Napoleone. V 2 kn. Kn. 2* [Memorial of Saint Helena, or Memories of the Emperor Napoleon. In 2 Books. Book 2]. Moscow, Zakharov Publ., 2014. 816 p.
17. le Peletier L.M. Plan natsionalnogo vospitaniya [Plan of National Education]. *Pedagogicheskie idei Velikoy frantsuzskoy revolyutsii: rechi i doklady* [Pedagogical Ideas of the Great French Revolution: Speeches and Reports]. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya Publ., 1926, pp. 246-269.
18. *Memuary gospozhi Remyuza* [Memoirs of Mrs. Remyusa]. Moscow, Zakharov Publ., 2011. 608 p.
19. O frantsuzskom universitete [About the French University]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1835, vol. 5, pp.100-137, 331-362.
20. Piskunova E.P. Evolyutsiya ideologii umerennykh royalistov v period konsulstva Napoleona [Evolution of the Ideology of Moderate Royalists During the Consulship of Napoleon]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2008, no. 1 (13), pp. 64-72.
21. Staël G.de. *Desyat let v izgnanii* [Ten Years in Exile]. Saint Petersburg, Kruga Publ., Izd-vo Sergeya Khodova, 2017. 472 p.
22. Stendhal. *Sobranie sochineniy. V 15 t. T. 11. Zhizn Napoleona. Vospominaniya o Napoleone* [Collected Works. In 15 Vols. Vol. 11. Life of Napoleon. Memoirs About Napoleon]. Moscow, Pravda Publ., 1959. 432 p.
23. Taleyran Sh.M. Doklad o narodnom obrazovanii [Report on National Education]. *Pedagogicheskie idei Velikoy frantsuzskoy revolyutsii: rechi i doklady* [Pedagogical Ideas of the Great French Revolution: Speeches and Reports]. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya Publ., 1926, pp. 130-144.
24. Taleyran Sh.M. *Memuary* [Memoirs]. Moscow, Eksmo Publ., 2015. 413 p.
25. Tugan-Baranovskiy D.M. *Napoleon i respublikantsy* [Napoleon and the Republicans]. Saratov, Izd-vo SGU, 1980. 220 p.
26. Tulard J. *Napoleon, ili Mif o «spasiteli»* [Napoleon, or the Myth of the “Saviour”]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1996. 322 p.
27. Chateaubriand F.R. *Zamogilnye zapiski* [Sepulchral Notes]. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh, 1995. 735 p.
28. Aulard A. *Napoléon I-er et le monopole universitaire: origins et fonctionnement de l'Université imperial.* Paris, Armand Colin, 1911. 392 p.
29. Boudon J.O. *Napoléon et les lycées: Enseignement et société en Europe au début du XIX<sup>e</sup> siècle.* Paris, Nouveau Monde Éditions, 2004. 392 p.
30. Guizot F. *Mémoires pour servir à l'Histoire de mon temps. En 8 tomes. T. 1.* Paris, Michel Lévy frères, 1858. 483 p.
31. Décret impérial contenant diverses dispositions pour accorder le régime des anciennes écoles avec celui de l'Université, le 4 juin 1809, № 668. *Bulletin des lois*, numéro 240. URL: [https://archive.org/details/dcretimprialcont00fran\\_0/mode/2up](https://archive.org/details/dcretimprialcont00fran_0/mode/2up).
32. Décret impérial portant organisation de l'Université, le 17 Mars 1808. № 539. *Bulletin des lois*, numéro 185. URL: <https://archive.org/details/dcretimprialport00fran/page/2/mode/2up>.
33. Léon A., Roche P. *Histoire de l'enseignement en France.* Paris, Éditeur, Presses universitaires de France, 2012. 393 p.
34. Liard L. *L'enseignement supérieur en France: 1789–1889. En 2 tomes.* Paris, Armand Colin et C, Editeurs, 1888–1894. Vol. 1, 1888. 474 p.; vol. 2, 1894. 519 p.
35. Loi relative à la formation d'une Université impériale, et aux obligations particulières des membres du corps enseignant, le 10 mai 1806. *Bulletin des lois*, numéro 91. URL: [https://archive.org/stream/loirelativelafor00fran\\_13/loirelativelafor00fran\\_13\\_djvu.txt](https://archive.org/stream/loirelativelafor00fran_13/loirelativelafor00fran_13_djvu.txt).
36. Napoleon I. *Correspondance. En 32 volumes. Vol. 7.* Paris, H. Plon, J. Dumaine, 1861. 568 p.

**Information About the Author**

**Elena P. Piskunova**, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian and General History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, Piskunova.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4520-8094>

**Информация об авторе**

**Елена Павловна Пискунова**, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, Piskunova.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4520-8094>